

Елена Трофимова

МИР МАРИНЫ ЛЕДКОВСКОЙ — ЗАМОК И СУДЬБА

Любой памятник зодчества ценен не только сам по себе: расположение в пространстве, план, архитектурное решение, декоративное оформление суть только материальное воплощение замысла строителя. Не менее важной составляющей является жизнь людей, населяющих созданный памятник. Собственно, именно они через свою деятельность, эмоции и создают духовное содержание, очеловечивая неживые структуры чувствами и переживаниями.

История Мирского замка начала XX в. связана с судьбой таких значимых для русской истории и культуры фамилий, как Набоковы, Фальц-Фейны, Ледковские, Фазольты. Связанные родством с семейством Святополк-Мирских, они напрямую или косвенно, так или иначе, «касались» и их родового гнезда, оставляя на нем свои невидимые отпечатки, которые современные исследователи Мира должны восстановить и сделать видимыми, связав прерванную нить истории.

В 1930-е гг. семейство Фазольтов: София Дмитриевна (ур. Набокова) с детьми Николаем и Мариной каждый год выезжали на лето отдыхать в Любчу в Восточной Польше, где было имение ее матери Лидии Эдуардовны (ур. Фальц-Фейн). Оттуда они неоднократно ездили в Мирский замок. Женой Василия Ивановича Святополк-Мирского была Лидия Николаевна (ур. фон Пойкер) — младшая (единоутробная) сестра С. Д. Набоковой-Фазольт по второму браку их матери.

Надо отметить, что детей привозили в Любчу и Мир не только для летнего отдыха, но и для поддержания русскости, как в языко-

вом, так и общекультурном отношении. Пребывание на территории бывшей Российской империи, чтение русских книг, вообще общение с представителями известных русских фамилий — Шаховскими, Оболенскими, Хрептович-Бутеневыми — все было очень важно для детей, которые были рождены в эмиграции, постоянно жили в Берлине и были оторваны от России.

Двоюродный брат, или кузен С. Д. Набоковой-Фазольт — Владимир Владимирович Набоков, стал классиком русской и американской литературы. Его двоюродная племянница Марина Викторовна (в замужестве Ледковская), после Второй мировой войны волею судеб оказавшись в Соединенных Штатах, также получила известность в мире литературы и науки. Но не как писательница, а как литературовед, преподававшая долгие годы русскую литературу в Колумбийском университете. Темой ее диссертации стало творчество Тургенева, многие произведения которого связаны с жизнью русской усадьбы.

Мне неоднократно приходилось встречаться с Мариной Викторовной в Нью-Йорке, Москве, Санкт-Петербурге, Англии, Берлине, и многие годы мы поддерживаем постоянную переписку, обмениваемся телефонными звонками. Во время наших встреч и бесед меня всегда в ней восхищала искренняя преданность России, православию, ее любовь «к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Общаясь с этой удивительной женщиной, как будто заглядываешь в то далекое прошлое, и начинаешь различать лица и голоса ушедших, но не забытых, оставшихся в памяти Отечества. В последний раз мы виделись в Берлине на VII Всемирном конгрессе славистов, где мне удалось задать ей несколько вопросов и опубликовать это интервью в журнале «Свой» Никиты Михалкова (2008. № 2).

Ее детство и юность проходили в Берлине, тогда же и началось серьезное увлечение русской литературой. Читать она стала с четырех лет, с тех пор чтение стало страстью на всю жизнь, любимыми подарками всегда были книги. Это, главным образом, и послужило желанием стать филологом. Увлекалась изучением языков, их историей, то есть именно филологией в истинном значении. Как вспоминает Марина Викторовна: «Меня еще в лицее (я училась в Берлине) привлекали все гуманитарные предметы: литература, история, философия, история искусства и археология; другой же моей страстью были музыка, театр, сцена, хотя условия жизни не дали мне пойти по этому пути. Но в те далекие годы, с увлечением играла я в спекта-

клях и во всяких постановках, посвященных и дням русской культуры, и другим праздникам и датам. В отрочестве и юности серьезно я занималась театральным искусством в группе Ариадны Петровны Диамантиди, которая прошла школу Станиславского и даже была при нем режиссером. Ставились у нас произведения Чехова, Алексея Константиновича Толстого, Островского, Пушкина, Льва Толстого, Шекспира, Шиллера и других. Конечно, увлекалась игрой на рояле — брала уроки музыки, но главным образом, занималась пением, участвовала во всех школьных хорах, а с одиннадцати лет пела в церкви, в нашем берлинском православном приходе» [1, с. 60].

Отроческие годы Марины и ее брата Николая проходили в разных немецких городах – Берлине, Нюрнберге, Мюнхене — в зависимости от мест службы отца. Каждое лето до войны они ездили в имение своей бабушки Лидии Эдуардовны — в Любчу, над Неманом (теперь это Беларусь, Гродненская область, Новогрудский район), нередко посещали и огромный Мирский замок Святополк-Мирских. Именно там, на тогдашней польской земле, продолжал существовать чудом уцелевший осколок Российской империи. В Мире и Любче дети эмигрантской семьи, унесенной из России превратностями судьбы, получали возможность погружаться в атмосферу русской культуры, говорить на русском языке, читать русские книги, изучать историю страны, которую они продолжали считать своей Родиной. Как отмечала сама Марина Викторовна: «Там еще сохранялся дореволюционный стиль жизни — русский дворянский, помещичий быт» [1, с. 63].

Воспоминания о летних месяцах, проведенных в Любче и Мире, впечатления, полученные там, несомненно, повлияли и на выбор научных предпочтений М. В. Ледковской. Темой многочисленных статей и книг стало творчество Ивана Сергеевича Тургенева. Картины помещичьего и сельского быта, персонажи и характеры, которые она наблюдала во время пребывания в имении бабушки и в замке, сами пейзажи Неманского края помогали ей глубже проникать в атмосферу тургеневской прозы. И даже прийти к выводам, которые входили в противоречия со сложившимися тогда взглядами на стилистическую природу произведений писателя.

Она так говорит об этом: «Кроме статей о его творчестве у меня в 1973 г. по-английски вышла книга «Другой Тургенев: От романтизма к символизму», в которой я пишу о Тургеневе «не реалисте», в то время как литературная критика, как на Западе, так и на Востоке,

настойчиво утверждала и утверждает его реализм. Я попыталась развеять это наваждение. Писала о его «нереалистических», иррациональных темах и мотивах, о его таинственных рассказах, о том, что он является звеном между романтизмом и символизмом. В этих сочинениях писатель старается проникнуть в иррациональный мир, окружающий и сопровождающий человеческую жизнь. Расследуя извечные экзистенциальные проблемы рока, природы, любви и смерти, Тургенев вводит в свои зрелые повести сверхъестественные темы телепатии, предзнаменования, как, например, вещие сны, пагубную силу наследственности и магнетизма (например, в повестях «Фауст», «Собака», «Несчастливая», «Странная история», «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич» и др.). Писатель меня привлек своей гармонической, одухотворенной, кристально чистой прозой, своим мудрым мирозерцанием и своей аполитичностью. Он стоял выше всяких партий и движений (подобная мелочная и алчная суета, при которой желают обязательно перевернуть «человеческий» строй мира была огорчительна писателю), ратовал за эволюционные изменения жизни людей, а не за революционный взрыв; его идеалистическое умозрение было направлено на мир и согласие. Все это очень близко и моей душе» [1, с. 64]. Докторская диссертация, где были изложены эти мысли и идеи, была блестяще защищена в 1969 г.

Но изучением наследия Тургенева не исчерпывается вклад Марины Ледковской в русскую культуру. Широкою известность среди специалистов получил подготовленный ею и изданный в 1994 г. на английском языке энциклопедический словарь «Русские женщины-писательницы».

Целью этого проекта было «разбудить» литературоведов, литературных критиков, равно как и обыкновенных читателей и обратить их внимание на великое наследие, на огромный вклад русских писательниц в отечественную и мировую литературу и культуру. Ведь этот, женский, вклад, нередко нивелируется, вымывается из литературного канона под видом вторичности, некой «неважности», незначительности «женского» в культуре. Марина Викторова никогда не была согласна с такой оценкой, и огромный, проделанный совместно с коллегами, энциклопедический труд доказал это. Удалось заинтересовать исследователей, появилось множество работ по проблеме творчества русских писательниц, антологий, переводов их произведений на главные языки мира. Нынче меняется

и взгляд на работы, на произведения писательниц, меняются и способы анализа текстов, меняется и отношение к творчеству женщин, в том числе и русских.

Мир и Любча неразрывно связаны и с другим увлечением М. В. Ледковской — русским православным церковным пением. Еще в детстве она участвовала в церковном хоре. И всегда, везде, куда бы ни приводила ее дорога жизни, она не изменяла себе и старалась осуществлять это духовное призвание. Здесь учителем и единомышленником стал ее муж Борис Михайлович Ледковский. Выпускник Московской консерватории, офицер Белой армии, прошедший Гражданскую войну и мытарства в Галлиполи, он всегда оставался композитором, дирижером, музыкантом. В тяжелейших своих скитаниях создавал он церковные и светские хоры. Служил регентом в соборе Александра Невского в Софии, в парижской церкви Знамени Божией Матери, а в Германии руководил Донским казачьим хором, позже преподавал церковную музыку в Свято-Владимирской богословской академии в США. Концертируя с хорами, Ледковский расширял репертуар церковного отделения, включая в программу вещи, которые во время богослужения почти никогда не исполняются из-за трудностей фактуры. Выступления этих хоров были записаны на пластинки и компакт-диски, они отличаются высоким техническим качеством и безукоризненным эстетическим чутьем (из них надобно отметить хор Минского Петропавловского собора и хор храма Воскресения Христова в Москве). Дирижерская манера Бориса Михайловича была очень сдержанная, он не допускал перед хором никаких вольностей вроде размахивания руками, брани и прочих эксцентрических выходов, которыми славятся некоторые маэстро, нет, жесты были изящны и скупы, что подчеркивало его природное художественное благородство. Упорным трудом, обязательными спевками добивался он слитности звучания, правильной интонации даже с не очень сильными певцами [см. 2, с. 108-113].

Родной брат Марины — Николай Викторович Фазольт также высоко оценивает свои детские впечатления от Любчи и Мира как основу развития своего русского самосознания. Однажды он сказал: «Даже в моем поколении я — редкий человек, потому что видел, наблюдал и жил усадебной жизнью, которая так дивно описана в русской литературе Тургеневым, Чеховым и другими. К нам (в Берлине. — Е.Т.) часто приходили родственники и друзья, вынужденные уехать из России — Оболенские, Шаховские, Голицыны, Набоковы (...)

Вспоминается актриса Ольга Чехова, польский актер Ян Кепура, которые работали на большой берлинской кинофабрике, возглавляемой моим отцом. Как видите, русский круг общения был широк и постоянен» [3, с. 86]. Судьба Николая Викторовича складывалась противоречиво и драматично, как бы перебрасывая его от немецкого полюса к русскому. Во время Второй мировой войны он был призван в германский Вермахт, где служил до своего тяжелого ранения под Петсамо в 1944 г. После войны он поступил на факультет славистики Боннского университета и защитил диссертацию по творчеству А. А. Блока у проф. Сечкарева. Затем вновь стал доминировать противоположный полюс — Николай Фазольт на многие годы становится главой Союза немецких промышленников. Тем не менее, русский вектор не исчез: в его домашней библиотеке множество архивных материалов и редких русских книг, немало современных изданий и работ, касающихся жизни сегодняшней России. Его сын Константин – профессор истории в Чикагском университете, говорит по-русски, любит русскую литературу. Николай Викторович жалеет, что в его семье не все говорят по-русски, но с гордостью добавляет, что все носят русские имена: жена Вера и дочь Наталья, «а родные племянники, дети сестры Марины, прекрасно говорят по-русски, ее внуки — также, и один из них, Сергей, — православный священник» [3, с. 87].

Рассказывая о Ледковской, о ее родственном окружении, нельзя не вспомнить о князе Василии Святополк-Мирском и трагических превратностях его судьбы. Марина Викторовна вспоминает: «Дядя Вася — князь В. И. Святополк-Мирский, прямой потомок Рюриковичей, был мужем маминой младшей сестры Лидии Николаевны фон Пойкер. Свадьба их состоялась то ли в конце 1930 г., то ли в самом начале 1931 г. в православной церкви в Любче» [2, с. 63].

В начале Второй мировой их семья с дочерью Ириной уехала на Запад. Святополк-Мирский служил в гитлеровской армии и позже был арестован в Австрии в 1946 г. советскими властями. В Гулаге он провел 10 лет, в лагерьной больнице ему необходимо было ампутировать ногу из-за начавшейся гангрены, это было сделано без полной анестезии, но все сложилось хорошо, операционная рана быстро зарубцевалась, и Василий Иванович прожил около 25 лет. «На Запад он вернулся лишь в 1957 г., благодаря просьбам и хлопотам западных правительств» [1, с. 63], позже ему пришлось ампутировать вторую ногу; недолго прожив после этой операции, он скончался под Мюн-

хеном в конце 1974 г.

Хотелось бы рассказать и о другой, также не менее знаменитой фамильной линии М. В. Ледковской — о Набоковых. Конечно, здесь прежде всего вспоминается Владимир Владимирович Набоков — знаменитый писатель, автор таких ярких повестей и романов, как «Машенька», «Защита Лужина», «Дар», «Другие берега». Марина Викторовна так характеризует его личностную, можно даже сказать, бытовую сторону: «Скажу, что дядя Володя всегда был очень мил и внимателен ко всем, когда приезжал в наши края. Моя мать его и его жену тетю Веру очень любила, еще со времен Берлина, где он часто бывал в доме моих родителей на приемах. Когда представлялась возможность, мама всегда его навещала, где бы он ни был уже в послевоенное время: и здесь, в Америке, и в Швейцарии, в Монтре, ведь в молодости, еще в России, они крепко дружили. Дядя Володя был весел и остроумен, очень занятен. Весьма умилялся он моим младшим сыном Мишей, когда тот, двухлетний, спел ему песенку на слова Блока “Мальчики да девочки, свечечки да вербочки понесли домой...”. Во время войны мама приютила у нас дома в Берлине его брата Сергея Владимировича, поскольку тот срочно уехал из Австрии. Дядя Сережа был не менее талантлив и умен, да к тому же добавлялась и замечательная музыкальность, которой одарены были все Набоковы, кроме самого писателя (...). Зато сын его Дмитрий Владимирович очень музыкален, у него прекрасный бас. Дядя Сергей был шафером на моей свадьбе. Участь его печальна. За неосторожное и весьма критическое высказывание о немецкой культуре он был арестован гестапо в конце 1944 г. и умер в концлагере» [1, с. 60].

Нельзя не сказать чуть больше и о семействе Фальц-Фейнов, которые тоже были связаны с Любчей и Миром. У бабушки М. Ледковской — Лидии Эдуардовны, ур. Фальц-Фейн был, и здравствует поныне, племянник (род. 14 сентября 1912 г.) — хорошо известный своей бескорыстной меценатской деятельностью барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн. Он большой любитель и коллекционер произведений искусства, особенно касающихся России. За время «гласности и перестройки» он принес в дар Отечеству много ценнейших вещей из своей личной коллекции и пожертвовал большие суммы на восстановление различных исторически важных учреждений и памятников (бывший Пажеский корпус в Санкт-Петербурге, Янтарная комната в Царском Селе, памятник Суворову в Швейцарии).

рин, церковь в Аскании-Нова, и так далее). Всемирно известный заповедник в бывшей Таврической губернии основал его дед — знаменитый зоолог Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн, и, кроме того, устроил в своем имении Аскания-Нова прекрасный и интереснейший зоологический парк, по образцу и примеру которого возникли такие же зоопарки во многих больших городах Европы и Америки. В этих зоопарках звери находились как бы на свободе, в огороженных больших пространствах, а не в клетках, как это было заведено ранее. О семье Фальц-Фейнов — обрусевших немцах, прибывших в Россию по приглашению Екатерины Второй и обосновавшихся на юге России, подробно можно прочитать в книге барона Э. А. Фальц-Фейна «Жизнь русского аристократа» (М., 2000).

«Бабушка моя, — добавляет Марина Викторовна Ледковская, — вторым своим браком была за Николаем фон Пойкером, и хотя мои родственники и Фальц-Фейны, и Пойкеры — немецко-балтийского происхождения, они совершенно обрусели, любили Россию и служили ей честно, верой и правдой» [1, с. 62].

Изучая судьбы Набоковых, Фазольтов, Ледковских, неизбежно приходишь к выводу, что впечатления, полученные от пребывания в Неманском крае, в Любче и Мире, оказывали значительное влияние на формирование мировоззрения, эстетических предпочтений, художественных вкусов представителей этих семейств. И в первую очередь на отношение к своей исторической Родине — горячо любимой России.

Литература и источники

1. Трофимова Е. И. Наша любовь к России неколебима...: Интервью с М. В. Ледковской // «Свой». 2008. № 2. С. 60–65.
2. Трофимова Е. И. От Софии до Нью-Йорка: «Московский» распев Бориса Ледковского // «Свой». 2008. № 8–9. С. 108–113.
3. Трофимова Е. И. «Я равно принадлежу и немецкой, и русской культуре...»: Интервью с Н. В. Фазольтом // Земляки. 2010. № 12. С. 85–88.
4. Фальц-Фейн Э. А. «Жизнь русского аристократа». М., 2000.